

DOI 10.15826/qr.2016.3.187

УДК 94(470)"19"+325.1:34+325.1:36

**«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»:
ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ***

Рец. на: Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century.* Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. XVII + 421 с.

Олег Горбачёв

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**«BROAD IS MY NATIVE LAND»:
THE DIMENSIONS OF RUSSIAN MIGRATION****

Rev. of: Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century.* Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. XVII + 421 p.

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The review of the book of American researchers Lewis H. Siegelbaum and Leslie Page Moch is focused on the authors' concept of the Russian migration in the 20th century. It places not the state in the center of the research, that is usual for the Russian studies, but the migrants themselves. In accordance with this concept, the aim is to establish the relationship between the individual migration practices (*repertoires*) and migration regimes formed by the state. It assesses the strengths and weaknesses of the migrants' typology resulting from the authors' task. The proposed concept makes the traditional division of migration into voluntary and

* Тема публикации поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Gorbachev, O. (2016). "Broad Is My Native Land": The Dimensions of Russian Migration. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.

Цитирование: Gorbachev O. "Broad Is My Native Land": The Dimensions of Russian Migration // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187 / Горбачёв О. «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.

coerced unnecessary. As a result, conflicts are bound to arise, as in the Russian history of the last century the coercion factor is difficult to ignore. On the other hand, the proposed approach allows the author for the first time in historiography to characterize a large number of manifestations of Russian migration activity, which was not easy, based on the status and availability of the necessary resources. The undoubted merit of the authors is their desire to enter the migration history of Russia in the global context. The author emphasizes the doubtless scholarly importance and relevance of the work of Siegelbaum and Moch.

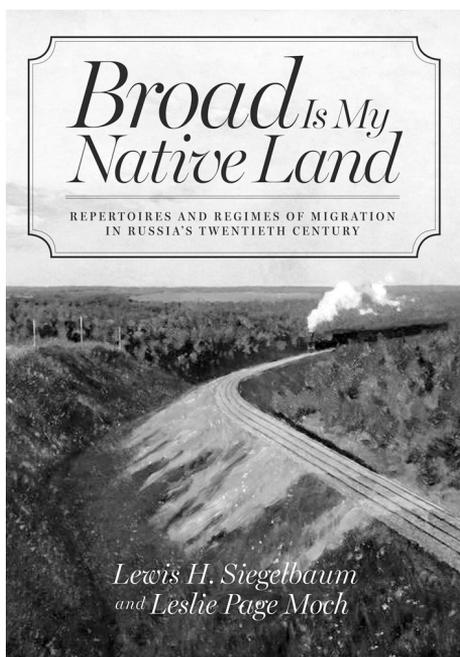
Keywords: Russia in the 20th century; migration; repertoires of migration; migration regimes; types of migration.

В рецензии на книгу американских исследователей Льюиса Сигельбаума и Лесли Пейдж Мох основное внимание концентрируется на авторской концепции российской миграции в XX в., ставящей в центр рассмотрения не государство, как это обычно принято в исследованиях по истории России, а самих мигрантов. В соответствии с этой концепцией ставится цель установить соотношение между индивидуальными миграционными практиками и государственными миграционными режимами. Оцениваются сильные и слабые стороны типологии мигрантов, вытекающей из авторской задачи. Обращается внимание на то, что предложенная концепция делает необязательным традиционное деление миграций на добровольные и принудительные. В результате неизбежно возникают противоречия, поскольку в российской истории XX столетия фактор принуждения игнорировать сложно. С другой стороны, предложенный подход позволил едва ли впервые охарактеризовать максимально большое количество проявлений российской миграционной активности, что было непросто, исходя из состояния и доступности необходимых источников. Безусловной заслугой авторов является их стремление вписать миграционную историю России в общемировой контекст. Делается вывод о несомненной научной значимости и востребованности работы Сигельбаума и Мох.

Ключевые слова: Россия в XX веке; миграция населения; индивидуальные миграционные практики; режимы миграции; типология миграции.

В последние несколько лет миграционная тематика пользуется повышенным (если не сказать ажиотажным) вниманием со стороны научной общественности. Явившись миру в виде исследовательского тренда эпохи глобализации, она явно претендует на большее, чем роль очередной модной исследовательской игрушки. В сегодняшнем подвижном мире миграция вдруг оказалась нужна экономистам, историкам семьи, политологам, социологам, культурологам и т. д. Не остались в стороне и историки.

Книга, представленная известным специалистом по миграции Лесли Пейдж Мох и не менее известным знатоком истории России XX в. Льюисом Сигельбаумом, не единственная, в которой затрагиваются

проблемы российской миграции, но, пожалуй, первая, где предпринята попытка рассмотрения миграции на территории России – СССР в XX в. в самых разнообразных ее проявлениях. По этой причине она получила активный отклик в академическом сообществе, в том числе в российском [Болдовский; Campbell]. К масштабности располагает и название, для которого использована известная песенная строчка «Широка страна моя родная». Эта фраза, как считают авторы, имеет двойной смысл, предполагающий одновременно и гордость за огромную территорию, и понимание проблем, связанных с ее наличием.

Уточняющий подзаголовок – «миграционные практики и режимы миграции в России в XX веке» – является отражением авторской концепции, предполагающей сочетание намерений мигрантов и государства (именно в такой последовательности). Как поясняют авторы, тем самым они пытаются отойти от стереотипов, сформированных специалистами по истории России, в соответствии с которыми государство в XX столетии было единственным актором, и стремятся доказать, что самостоятельная деятельность мигрантов оказывалась не менее (а иногда даже более) значимой.

До настоящего времени, пишут Сигельбаум и Мох, Россия была «Сибирью миграционных исследований – далекой и не обещающей ничего хорошего» (“foreboding”) (p. 298)¹. Ими ставится задача способствовать включению миграционной истории России в европейскую и мировую.

Действительно, сегодня существует разрыв между российскими и зарубежными исследователями миграции. Западный читатель достаточно хорошо знаком с теми ее аспектами, которые сопровождают историю ГУЛАГа, но находится в неведении относительно многих других проявлений российской миграционной активности. С другой стороны, российские работы по миграции в большинстве своем опираются на агрегированные статистические сведения, содержащиеся в государственных архивах. Отечественная исследовательская тради-

¹ Здесь и далее номера страниц рецензируемой книги приводятся в круглых скобках по электронной версии книги из поисковой системы Google Books.

ция оставляет без внимания индивидуальные миграционные траектории, что вызвано несколькими факторами:

- отсутствием либо труднодоступностью определенных категорий источников,
- сохраняющимся скептицизмом по отношению к источникам личного происхождения и художественным текстам,
- отсутствием традиции написания биографических историй повседневности.

Поэтому, говоря об односторонности западных историков и отдавая должное качеству российских исследований, Сигельбаум и Мох отмечают уязвимость последних с точки зрения отсутствия микроданных и персональных историй, особенно наглядную у авторов работ по послесталинской миграции (р. 115).

Как объясняют авторы, «мы постарались выйти за рамки репутации России как страны принудительной миграции – хотя во многом и заслуженной – и представить полный диапазон миграционных перемещений. Отсюда большой территориальный охват. Мы хотели расширить понимание того, что может и чего не может амбициозное государство в сфере контроля за передвижением населения и освоением территории» (р. 298). Названия глав работы отражают авторские намерения и выводят на первый план именно мигрантов, а не государство: «Переселенцы», «Сезонные мигранты», «Мигранты в города», «Карьерные мигранты», «Военные мигранты», «Беженцы и эвакуированные», «Депортированные», «Свободно перемещающиеся» (*Itinerants*).

Позиция авторов предопределила непривычное отсутствие противопоставления добровольной и вынужденной миграции. «Любая миграция, – пишут Сигельбаум и Мох, – предполагает принуждение, в том числе принуждение обстоятельств» (р. 294). Именно этим (а возможно, и соображениями стиля) вызвана неопределенность используемых характеристик: в разных местах книги вынужденные миграции атрибутируются как *coercive*, *violent* и *involuntary* («принудительные», «насильственные» и «недобровольные»), заставляя читателя задуматься относительно содержательных различий между ними.

Итак, в книге сопоставляются индивидуальные *repertoires* (что можно перевести как «повторяющиеся практики») и государственные режимы (*regimes*) миграции. Содержание понятия «режим» совпадает с предложенным группой российских исследователей: «политика, практики и инфраструктура, предназначенные как для усиления, так и для сдерживания движения населения» [В движении добровольном и вынужденном, с. 16]. Использование данного концепта эвристически перспективно, поскольку позволяет уйти от традиционной привязки к одной из форм миграции и осуществить комплексный анализ процесса. Вместе с тем, нельзя не заметить размытости понятия «режим миграции» в понимании авторов. К примеру, в первой главе оговаривается его соответствие лишь одной форме движения населе-

ния (переселению); здесь же подчеркивается изменчивость режимов во времени. «За кадром» остаются условия изменения режима, возможности его применения к другим видам миграции. Подвижность понятия «режим миграции» очевидно затрудняет концептуализацию авторского подхода.

По мнению авторов, миграционные режимы и практики не находятся в оппозиции: «Институциональная и семейная необходимости дополняли друг друга» (р. 294). В этой связи чрезвычайно важно подчеркивание роли семьи в миграции, что следует считать еще одной отличительной чертой монографии. Именно на семью, по мысли авторов, опирались и государство при формировании режимов миграции, и сами мигранты (р. 33). От наличия и взаимодействия членов семьи зависели возможность перемещения из деревни или колхоза, право жить в «режимном» городе или вернуться в него после долгого отсутствия. Семейный аспект монографии придает тексту дополнительную актуальность, поскольку эта проблематика является весьма востребованной в последнее время.

Книга насыщена фактическим материалом, и большое количество самостоятельных сюжетов делает невозможным их сколько-нибудь подробный обзор даже в пространной рецензии. Поэтому остановимся на наиболее важных.

В первой главе речь идет о переселенцах, теме вполне обычной и для российского исследовательского поля. Авторы отмечают, что переселение в процессе колонизации применялось не только в России, но и в других странах, при этом специально оговаривается, что термин «переселение» (*resettlement*) более соответствует концепции работы, чем привычное, но более тенденциозное понятие «перемещение населения» (*population transfer*) (р. 59).

В соответствии с логикой «практик» и «режимов» утверждается, что с завершением строительства Транссибирской магистрали в начале XX в. инициированные государством миграционные режимы впервые максимально совпали с индивидуальными миграционными практиками, обеспечив эффективное переселение на Восток. В дополнение к распространенной в отечественной литературе концепции «малоземелья» в Европейской части страны как основной побудительной причине движения за Урал Сигельбаум и Мох обращают внимание на геополитическую мотивацию властей (необходимость уравновесить влияние японцев и китайцев в приграничье). Такая оценка содержательно сближает досоветские и сталинские переселения.

Подчеркивая, что на фоне нарастающей принудительной миграции в 1930-е гг. по-прежнему значимыми были ее добровольные формы, авторы очевидно полемизируют с представителями «тоталитарного» направления, отдающими предпочтение насильственной миграции. В качестве примера приводятся одиночники, желавшие таким образом сбежать от налогов (либо элементарно выжить).

На фоне хорошо изученных переселений первой трети XX в. сюжет о перемещениях периода Великой Отечественной войны выглядит неожиданным, в первую очередь из-за неизбежного смешения разных категорий мигрантов в эпоху большой миграционной подвижности. Авторы относят к переселенцам участников наборов рабочей силы в рыбные колхозы и на перерабатывающие предприятия в 1942–1944 гг., что не является бесспорным: в отечественной историографии такие перемещения обычно рассматриваются в контексте «трудовых мобилизаций».

Тем не менее, приводимые в этой связи данные очень интересны. Обращается внимание на то, что в составе переселенных в рыбные колхозы было большое количество эвакуированных, что вытекало из политики властей в местах выхода: местные чиновники, выполняя план по переселению в рыбные колхозы, стремились сохранить «своих»; кроме того, женщины, чьи мужья находились на фронте, не собирались куда-либо уезжать. О «вынужденной добровольности» переселений по причине тяжелого материального положения свидетельствует большая доля многосемейных среди переселенцев (р. 53).

Информативная первая глава включает также сюжеты о послевоенном сельскохозяйственном переселении, ликвидации «неперспективных деревень» на рубеже 1960–1970-х гг., об этнических переселениях (от депортации на восток польских «осадников» после начала Второй мировой войны до провальной попытки заселить Нечерноземье выходцами из Узбекистана в 1970-е гг.) и т. п.

Во второй главе рассматриваются сезонные мигранты. По признанию авторов, временные трудовые миграции, от традиционных крестьянских «отходников» до позднесоветских «шабашников», являются для них наиболее важными (*our point* (р. 298)). Именно на этом материале оказывается наиболее удобным связать воедино персональные, семейные и властные (*personal, familial and governmental*) мотивы миграции. К числу сезонных мигрантов относят и паломников, преимущественно женщин, ежегодное количество которых только в Черноземье составляло до революции не менее миллиона (р. 68).

Характеризуя эволюцию отходничества в советских условиях, авторы учитывают мнение Ш. Фитцпатрик, полагающей, что коллективизация имела целью нанести удар по нему [Fitzpatrick, 1993, р. 32–33]. Однако при этом они полагают, что задолго до окончания первой пятилетки сезонный труд интегрировался в советскую экономику в качестве адаптивной практики, компенсируя недостаток рабочих рук в промышленности и давая сельским жителям возможности для выживания (р. 79).

Органичной частью главы является анализ причин и проявлений феномена «шабашничества», который редко привлекает внимание российских исследователей из-за мало разработанной источниковой базы [см., например: Валетов]. Базируясь на документальном кино перестроечного периода, мемуарном «Житии одного шабашника»

В. Гальченко, апеллируя к опыту студенческих строительных отрядов, авторы раскрывают специфику сезонного труда в позднесоветскую эпоху [Гальченко].

Сигельбаум и Мох внесли свой вклад и в привычную тему миграции из села в город, посвятив ей третью главу. Они отмечают, что в 1930-е гг., когда в Западной и Центральной Европе эта разновидность миграции сошла на нет, в России произошел ее взрывной рост. Одновременно высказывается предположение, что советское переселение сельских жителей в города стало проявлением наиболее интенсивной урбанизации в мировой истории. Под термином «урбанизация» подразумевается именно количественный рост городского населения. В очередной раз исследователи полемизируют с «тоталитарным» подходом западной историографии, в рамках которого движение населения в СССР было полностью подчинено государственной воле. «Мужчины и женщины перемещались, преследуя собственные цели, реализуя собственные планы (когда это было возможно), и эти планы не всегда видны историку» (р. 107). В качестве иллюстрации приводятся убедительные данные об объемах неорганизованной миграции на строительство Магнитки (48 % в 1931 г.), причем количество прибывших было сопоставимо с количеством убывших (р. 108).

В то же время авторы не питают иллюзий относительно причин переезда, сравнивая советскую ситуацию с европейской: «Если в Западной Европе сельские жители переезжали в город от чувства безысходности, порожденного структурными изменениями в системе землепользования, занятости, демографических структурах, то советские крестьяне 1930-х гг. ехали от тяжелых условий, определенных государством» (Ibid.).

Интересным в общем контексте значимости семьи в миграционных перемещениях является замечание о том, что в советский период ввиду более позднего вступления в брак увеличилась доля мигрантов-одиночек. Отмечается большая приверженность традиционному семейному быту у переселявшихся в старые города, такие как Москва, в сравнении с районами нового освоения («в городах типа Магнитогорска прежние крестьянские формы организации не выживали благодаря более тесным контактам между рабочими и менее крепким семейным связям» (р. 111)). Это интересное суждение было бы еще более весомым, если бы удалось сравнить Магнитогорск не с Москвой, всегда обладавшей в миграциях особым статусом, а с другим старым городом, хотя бы близлежащим Челябинском.

С сельско-городской миграцией тесно связана проблема эволюции советской паспортной системы от сталинских крестьян к «лимитчикам» брежневского периода. Ее основным предназначением, отмечается в работе, было «держать людей определенного типа вдали от определенного типа мест» (Ibid.). К сожалению, Сигельбаум и Мох не идут дальше констатации изменений, хотя вывод о смене политиче-

ских (репрессивных) мотивов экономическими в регулировании миграции в города явно напрашивается.

Экономическая составляющая важна и в характеристике ситуации с так называемой «северной надбавкой» – еще один нестандартный сюжет в контексте миграции в города. В тексте отмечается, что надбавки были введены еще в 1945 г. на фоне развитой системы принудительного труда на Севере для лагерного персонала и администрации местных предприятий. Следовало бы отметить, что в хрущевское время надбавки действовали в качественно иных условиях: не только расширился контингент их получателей, но и стала доминирующей экономической мотивация, которая вытеснила внеэкономическое принуждение к труду. О значимости «северной надбавки» красноречиво свидетельствует пример об активной миграции с Сахалина в результате сокращения надбавки в 1959 г. после посещения острова Н. С. Хрущевым (р. 121).

Сюжет перехода от внеэкономических к экономическим факторам миграции населения в города завершается констатацией постсоветской ситуации: «после распада СССР миграционные режимы в большей степени формируются экономикой, нежели бюрократией» (р. 124).

В отличие от предыдущей, тема профессиональной мобильности (четвертая глава) редко поднимается российскими исследователями миграции. Как и в других главах, здесь делается попытка объединить в рамках одного понятия выходцев из разных социальных слоев в резко меняющихся общественных условиях. И если в случае с чиновником землеустроительного ведомства А. А. Татищевым определение «карьерный мигрант» адекватно, то по отношению к рабочим-«двадцатипятидесятникам», направленным в колхозы в начале политики коллективизации, применить его гораздо труднее.

Следуя взятой линии на выяснение того, как воля государства сочеталась с пожеланиями самих мигрантов, авторы проследили перемещения А. А. Татищева в 1914–1920 гг. и составили карту его путешествий. Этот материал, сам по себе любопытный, не дает больших возможностей для теоретических выводов за пределами констатации разнообразия маршрутов. С другой стороны, интересным является анализ местных землячеств, помогавших «карьерным мигрантам» в реализации профессиональных стратегий.

Сигельбаум и Мох не оговаривают причину своего особого интереса к профессиональным миграциям представителей сельскохозяйственных, переселенческих и силовых ведомств. Предметом рассмотрения являются даже лагерные охранники, многие из которых занимали свои должности в силу обстоятельств. С другой стороны, за рамками исследования остался особый миграционный режим партийных управленцев, чьи переезды в сталинские годы регламентировались по-военному жестко и безальтернативно.

К «карьерным мигрантам» авторы относят и выпускников вузов, в книге подробно рассматривается система их распределения в со-

ветские годы. В связи с этим упоминается Ш. Фитцпатрик, которая изучала становление советской интеллигенции, но не рассматривала превращение студента в молодого специалиста [Fitzpatrick, 2002]. Не затрагивала она и территориальный аспект проблемы, анализируемый Сигельбаум и Мох. Несмотря на ограниченность источниковой базы, авторам удалось убедительно показать изначальную неэффективность системы распределения с момента ее введения в 1933 г. В условиях недостатка специалистов, особенно в отраслях, связанных с НТР, оно становилось бессмысленным. Местные власти, предполагая, что молодые специалисты все равно уедут, создавали им заведомо плохие условия. Они и уезжали – так получался замкнутый круг (р. 159).

Еще одна небесспорная постановка вопроса: можно ли считать мигрантами участников военных действий (пятая глава)? Сигельбаум и Мох отвечают на него положительно на том основании, что в ходе войны имели место не только территориальные, но и социальные перемещения, и опираются в этом суждении на мнение Джошуа Санборна [Sanborn, p. 291]. Привычное соотнесение государственной воли и собственных устремлений мигрантов усматривается в добровольчестве и дезертирстве комбатантов.

Как и в случае с карьерными мигрантами, знание о разнообразии перемещений в годы войны не дает оснований для обобщающих выводов. В результате мы имеем дело с тривиальной констатацией, что «во время войны люди в большей степени перемещались по ее законам, а не по собственной воле» (р. 180). Впрочем, авторы хотят показать, что могло быть и иначе. В книге приводятся жизненные истории, герои которых находили в себе силы противиться обстоятельствам и в конечном счете сами определяли направление своего передвижения во время войны.

На том основании, что солдаты во время войны оказывались на территориях, где говорили на других языках, Сигельбаум и Мох вслед за Яном и Лео Лукассенами предлагают квалифицировать их как межэтнических мигрантов (*cross-community migrants* (р. 180) [Lukassen, Lukassen]).

Содержательно и убедительно в исследовании показаны преимущественные направления демобилизации после Великой Отечественной войны². Для западного читателя могут показаться любопытными специфические советские правила, определявшие необходимость несения воинской службы в мирное время вдали от дома. Заслуживают внимания проблема взаимоотношений между советскими военнослужащими срочной службы разной этнической принадлежности и анализ феномена «дедовщины».

По мысли авторов, в качестве своеобразного символа российских военных миграций (если все же согласиться с термином) можно воспринимать снятый в 1990-е гг. фильм об узнике чеченской войны

² Специального упоминания заслуживает использование в книге названия «Великая Отечественная война» вместо обычного для англоамериканской русистики «Вторая мировая война».

«Кавказский пленник», содержащий аллюзию как на поэму Пушкина, так и на рассказ Толстого. «Вечный сюжет» демонстрирует, что в течение столетий военные миграции были связаны с пересечением межэтнических границ.

В названии шестой главы («Беженцы и эвакуированные») заложена антиномия, в очередной раз иллюстрирующая авторскую идею о сочетании индивидуальных практик и государственных режимов миграции: беженцы бегут сами, а эвакуированные перемещены государством. В целях демонстрации упорядоченности и подконтрольности процесса государство, естественно, предпочитало второе наименование (в книге говорится об «особой советской враждебности по отношению к стихийности» (р. 203)). Кроме того, обращается внимание на противоречивость интерпретации термина «беженцы» в советской административной практике, восходящей к долго существовавшим пробелам в международном праве и определявшей сложное к ним отношение: кто они в первую очередь – сеятели паники и болезней либо беззащитные жертвы?

В отличие от некоторых других глав, в шестой авторы сочли нужным обратить более пристальное внимание на источники, которым отдавали предпочтение. Так, информация о беженцах и эвакуированных периода Великой Отечественной войны содержится в письмах во власть, делопроизводственных документах и воспоминаниях (в форме интервью или мемуаров). Взятые вместе, они позволяют проанализировать «основные измерения опыта эвакуированных». Верные дихотомическому принципу, Сигельбаум и Мох утверждают, что, несмотря на огромные эвакуационные усилия государства, люди, перемещавшиеся на восток в 1941 г., по большей части были беженцами, а не эвакуированными (то есть имела место «самоэвакуация») (р. 207).

В этой части работы показаны реальные масштабы эвакуации в годы войны, много говорится о положении эвакуированных. Специальное внимание уделено эвакуации из блокадного Ленинграда. Вопреки подходам, утвердившимся в отечественной историографии, Сигельбаум и Мох полагают, что ключевое значение для внесения конкретной семьи в списки эвакуированных имели не столько транспортные возможности властей, сколько наличие в тылу обустроенного жилья. Именно поэтому на эвакуацию в первую очередь могли рассчитывать те блокадники, которые имели согласие на размещение от своих родственников.

В книге рассматривается еще один важный сюжет – трудности, возникавшие у горожан во время реэвакуации. Их основной причиной был ограниченный жилой фонд, еще более сократившийся в годы войны. Жители Москвы, самого привилегированного города СССР, стремились вернуться как можно быстрее. Дело в том, что решение московского горсовета, изданное в июне 1944 г., предписывало, что квартира в Москве оставалась в пользовании прежних жильцов, только если за нее без задержек вносилась квартплата. В других го-

родах ситуация подчас была не лучше – горсовет Воронежа и вовсе лишил эвакуированных прав на прежнее жилье (р. 219).

Впечатленные масштабом процессов, происходивших на территории СССР в годы войны, Сигельбаум и Мох сочувственно отмечают: «мы видим всю нацию в движении, а также государство, которое пытается реализовать сразу несколько целей: защитить своих граждан от оккупации, сохранить производственный потенциал страны и нанести поражение агрессору» (Ibid.).

К «беженцам и эвакуированным» послевоенного времени авторы обоснованно причисляют жителей населенных пунктов, затопленных в ходе строительства Волго-Донского канала и гидроэлектростанций, а также пострадавших от стихийных бедствий – землетрясений в Ташкенте и Армении и техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС. Как и в других частях книги, внимание привлекают не столько миграционные последствия катаклизмов (они более или менее известны русскоязычному читателю), сколько их неожиданное объединение в рамках одной темы.

В конце главы обозначены ключевые характеристики беженцев 1990-х гг. Отмечены выраженная этническая составляющая процесса миграции, отсутствие половых и возрастных диспропорций в составе мигрантов, а также полное неучастие государства в их судьбе, что позволяет квалифицировать их именно как беженцев.

Как уже было отмечено, Сигельбаум и Мох почти не рассматривают насильственные миграции из-за бесперспективности сопоставления в этом контексте индивидуальных миграционных мотиваций и государственного режима миграции. Исключением является седьмая глава монографии, посвященная депортированным, которая призвана проиллюстрировать «противоречие между депортацией и желанием вернуться» (р. 229). Авторы устанавливают различие между высылками и депортациями, полагая, что в депортациях более важной была не собственно высылка, а освоение места назначения. Тезис спорный, особенно если вспомнить о депортациях репрессированных народов в 1940-е гг. Полагаем, что мотив освоения территории в российских условиях сопутствовал любой высылке.

В книге подчеркивается принципиальная схожесть высылки в России и других воюющих странах в годы Первой мировой войны. Обращается внимание на сложность отнесения мигрантов к определенной категории в 1930-е гг.: считать ли, например, поляков, переселенных из Западной Белоруссии в 1930-е гг., переселенцами или депортируемыми? (Как уже отмечалось, польские «осадники» фигурируют в книге и в главе о переселенцах.)

Довольно обильные материалы о побегах спецпоселенцев в этой главе снова возвращают нас к индивидуальным траекториям миграции, противостоящим миграционным «режимам». Малое количество статистических сведений объясняется рисками деперсонализации и дегуманизации процесса, возникающими при перечислении цифр.

Самой неожиданной по содержанию следует признать восьмую главу, где рассматриваются *itinerants*, или «переезжающие с места на место». Под таковыми авторы подразумевают кочевников, беглецов из мест заключения, цыган, бродяг. Основную сложность в живописании «бурных взаимоотношений между мигрантами и антимиграционным режимом, целей и практик беглецов, бродяг и кочевников» (р. 241) Сигельбаум и Мох видят в малочисленности и специфичности имеющих источники.

Самое значительное место в главе отведено эволюции кочевых практик народов Севера и Казахстана. Основной причиной их перевода на оседлость считаются действия государства. «Наша главная цель, – осторожно пишут Сигельбаум и Мох, – в доказательстве, что ослабление и последующее исчезновение кочевых практик у казахов, как и у народов Севера, произошло не из-за изначальной их неэффективности, а ввиду способности других людей применять силовые методы, исходя из экономической либо идеологической необходимости» (р. 282). Отмечая разрушительные последствия государственного вмешательства для северного кочевого быта, авторы в то же время не склонны абсолютизировать эти последствия по отношению к казахским кочевникам: «Влияние русских нельзя рассматривать как просто перевод казахов на оседлость в контексте модернизации казахского быта. Имело место встречное движение» (р. 284). Говоря о пагубном воздействии коллективизации на казахское общество, Сигельбаум и Мох, тем не менее, отмечают, что дело не в социализме или колониализме: опыт Саудовской Аравии, Эфиопии и Танзании доказывает, что существуют общие принципы проведения политики оседлости.

Масштабный труд Льюиса Сигельбаума и Лесли Пейдж Мох будит воображение и заставляет пересмотреть устоявшиеся стереотипы. В этом смысле книга представляет интерес как для западных, так и для российских читателей, которые получают шанс приобщиться к впечатляющей масштабной картине миграционных перемещений на территории огромной страны в течение столетия. Предложенная концепция, уделяющая одинаково большое внимание как усилиям государства в проведении миграционной политики, так и мотивам обычных граждан, способна поколебать устоявшиеся представления об определяющей роли авторитарного государства в миграционных процессах; при этом следует признать, что авторы не всегда одинаково убедительны в отстаивании своей идеи.

В заключительной части книги приводится тезис, наилучшим образом демонстрирующий намерения авторов: «Специалисты по России долго подчеркивали огромную роль государственных инициатив, особенно в сталинский период. Мы показываем, что главные мероприятия этих десятилетий (коллективизация, индустриализация, массовый террор, сопротивление агрессии и территориальная экспансия) были невозможны без людей, перемещающихся или перемещаемых...

Государство было занято освоением природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, но при этом оно было не в состоянии обеспечить мигрантам нормальные условия жизни, несмотря на обещания». Однако люди не были игрушкой в руках государства, подчеркивается в книге. Они находили в себе и силы, и ресурсы для выживания (р. 297).

Вслед за Чарльзом Тилли, который отождествляет историю миграции в Европе с историей европейского общества, американские авторы совершенно справедливо полагают, что изучение движения населения в России дает очень многое для понимания истории страны в XX в.

Итак, можно констатировать, что современная миграциология пополнилась содержательным и очень интересным исследованием, которое не только способствует сближению позиций разных школ изучения истории миграции, но и делает значимый шаг вперед в деле включения российских миграционных процессов в европейский и общемировой контекст.

Список литературы

Болдовский К. А. Рецензия на книгу: Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch «Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century» // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 287—290.

В движении добровольном и вынужденном: постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. В. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарины. М. : Наталис, 1999. 319 с.

Валетов Т. Я. Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты // Экономическая история. Обзорение. Вып. 14 / под ред. Л. И. Бородкина. Труды исторического факультета МГУ. Вып. 40. М. : Изд-во МГУ, 2008. С. 203–226.

Гальченко В., Максимова Н. Житие одного шабашника // ЭКО. 1987. № 3. С. 104–108.

Campbell I. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century by Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch (rev.) // J. of Interdisciplinary History. 2016. № 46 (4). P. 594–596.

Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants : Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford Univ. Press, 1993. 386 p.

Lukassen J., Lukassen L. The Mobility Transition Revisited, 1500–1900 : What the Case of Europe Can Offer to Global History // J. of Global History. 2009. № 4 (3). P. 347–377.

Sanborn J. A. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // The J. of Modern History. 2005. № 77. P. 290–324.

Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is my Native Land : Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.

References

Boldovsky, K. A. (2016). *Retsenziya na knigu: Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch "Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century"* [Rev. of: "Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii, 1*, pp. 287—290.

Campbell, I. (2016). *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century* by Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch (rev.). In *Journal of Interdisciplinary History*, № 46 (4), pp. 594–596.

Fitzpatrick, Sh. (2002). *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. 368 p. Cambridge Univ. Press.

Fitzpatrick, Sh. (1993). *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. 386 p. Oxford Univ. Press.

Gal'chenko, V. with N. Maksimova. (1987). *Zhitie odnogo shabashnika* [The Life of a Shabashnik], ECO, 3: 104–108.

Lukassen, J. and Lukassen, L. (2009). The Mobility Transition Revisited, 1500–1900: What the Case of Europe Can Offer to Global History, *J. of Global History*, 4(3): 347–377.

Sanborn, J. A. (2005). Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I," *The J. of Modern History* 77: 290–324.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2014). *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. 421 p. Ithaca, Cornell Univ. Press.

Valetov, T. Y. (2008) *Samoorganizovannye sezonnye brigady (shabashniki) v SSSR v 1960–1980-h gg.: ekonomicheskie i social'nye aspekty* [Self-organized Seasonal Teams (Shabashniki) in the USSR in 1960–1980s: The Economic and Social Aspects], in: Borodkin, L. I. (Ed.), *Ekonomicheskaya istoriya (Rev.)*. Vol. 14. Moscow, Moscow State Univ., p. 203–226.

Vyatkin, A. V., Kosmarskaya, N. P. and Panarin, S. A. (Eds.) (1999). *V dvizhenii dobrovol'nom i vynuzhdennom: postsovetskie migracii v Evrazii* [The Voluntary and Involuntary Movement: Post-Soviet Migration in Eurasia]. 319 p. Moscow, Natalis.

The article was submitted on 05.03.2016